

СО-ФИЛОСОФСТВУЯ С Л. ТОЛСТЫМ

Рецензия на работу:

Бибихин В.В. Дневники Л. Толстого. –

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. – 480 с.

С.А. Шульц

Аннотация. В статье рассматривается монография В.В. Бибихина «Дневники Льва Толстого» (издательство Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург, 2012). С одной стороны, в статье утверждается, что Бибихин использует постнаучный дискурс на основании того факта, что он не использует терминологию и какие-либо научные элементы стиля, а также предлагает свою собственную концепцию (например, вместо слова «хороший» употребляет слово «справедливый»). С другой стороны, работа Бибихина не лишена пафоса, в особенности пророческого, поскольку он рассматривает текст Толстого как особое священное послание и применяет тот же подход к своему тексту. Интересно то, с какой стороны Бибихин интерпретирует дневники Толстого. Великий писатель рассматривается как уникал, для которого его сочинения менее важны, чем собственная личность. Таким образом, Бибихин делает вывод о диалогизме в тексте Толстого, противопоставляя его традиционному монологическому прочтению (М. Бахтин). С этой точки зрения, становится очевидно, почему Бибихин пишет о семье Толстого и его духовном кризисе и утверждает, что не Толстой оставил семью, а семья оставила его.

Ключевые слова: В.В. Бибихин, Лев Толстой, диалогизм, постнаучный дискурс, духовный кризис.

CO-PHILOSOPHISING WITH LEO TOLSTOY

Review on: Bibihin V.V.

Leo Tolstoy's Diaries. –

St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House,

2012. – 480 p.

S.A. Shul'ts

Abstract. A monograph by Bibihin V.V. *Leo Tolstoy's Diaries* (St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2012) is reviewed in this article. It is argued that, from the one hand, Bibihin uses post scientific discourse, as he avoids terminology and any scholastic elements of style, and suggests his own concepts (eg. instead of “good” appears “fair”). From the other hand, Bibihin's work is not out of pathos, especially of a prophetism, in regarding Tolstoy's text as a special sacred message and applying the same attitude to one's own text. Diaries are interesting for Bibihin's reading of Tolstoy from a new perspective. The great writer is seen as a unique personality for which writing is marginal and even less important than he himself. In such a way Bibihin proposes a dialogism of Tolstoy instead of canonical reading of Tolstoy's monologism (M. Bakhtin). From this perspective it is clear why Bibihin writes about the Tolstoy's family and spiritual crisis, saying that it was not Tolstoy who left the family, but rather he was left by the family.

Keywords: Bibihin V.V., Leo Tolstoy, dialogism, post scientific discourse, spiritual crisis.

После смерти видного философа В.В. Бибихина опубликовано множество его книг, которые он не успел подготовить к печати. Книга о Толстом основывается на лекционном курсе с элементами семинарской работы, читавшемся автором на философском факультете МГУ в осенний семестр 2000 года и в весенний семестр 2001-го.

В предисловии к книге О.А. Седакова отмечает, что «Лекции В.В. Бибихина написаны сырым, свободным языком, близким языку Дневников (*Толстого. – С.Ш.*), и потому тоже не представляют собой легкого чтения» (с. 20). При всей этой общей «сырости» все же, заметим, нельзя не увидеть разницы между языком второй половины XIX – начала XX вв. и языком нашей современности, уже менее «самовнятным».

С одной стороны, стиль В.В. Бибихина – постнаучный, он отказывается от устоявшейся терминологии и всего «сциентистского», предлагая собственные концепты. Например, вместо «добро» или «благо» автор предлагает использовать простое и всем понятное слово «хорошо». Книга наполнена постнаучными концептами (и/или часто «неологизмами») в духе новейшей философской герменевтики, в том числе за счет анализа внутренней формы слова. Правда, все же нужно отметить, что иногда пространные постнаучные описания В.В. Бибихина не приводят к появлению новых смыслов, а лишь по-иному повторяют известное.

С другой стороны, В.В. Бибихин не уходит от пафоса вообще, в том числе пафоса некоего «профетизма», вчитываясь в текст Толстого как в «весть» и, надо думать, рассматривая свою книгу тоже в качестве своеобразной пророческой «вести».

О.А. Седакова, отмечая в предисловии отвержение В.В. Бибихиным «снисходительного» отношения к Толстому-мыслителю, справедливо задает один из наиболее точных ракурсов необходимого прочтения книги В.В. Бибихина: как возможно само развитие русской философии, отталкивающейся от Толстого, как возможно вообще философствование в русле Толстого – путь, на который В.В. Бибихин встает одним из первых.

Дневники привлекают В.В. Бибихина в качестве способа подойти к Толстому с неожиданной стороны: не как к писателю, а как к личности, для которой писательство – нечто стороннее и даже меньшее, чем она сама. Это «полувековое или много больше присутствие (*Толстого в его дневниках. – С.Ш.*) при себе» В.В. Бибихин постулирует в качестве «человеческого создания, сумевшего вынести странность расстояния между собой и самим собой» (с. 45). Тем самым ставится вопрос о внутренней диалогичности Толстого – вопреки рассмотрению Толстого М.М. Бахтиным в контексте «монолога». Именно в плане подобного «внутреннего диалогизма» ясно, почему рассуждая о семейной и духовной драме Толстого, В.В. Бибихин справедливо говорит о том, что не Толстой в итоге оставил семью, а семья оставила его.

По верному наблюдению В.В. Бибихина, «Дневники Толстого и его записные книжки это вспышки озарений, и как человек чтобы быстро что-то записать хватает

карандаш, гвоздь, так Толстой – первые подвернувшиеся слова. Понятийный разбор этих записей даст ноль, единственный шанс – увидеть искру, *всегда одну*, которая ему осветила тьму и тут же погасла...». Этим объясняется отказ В.В. Библихина от всякой попытки «систематизации» идей Толстого: если это «вспышки озарений», то адекватным им путем осмысления будет столь же нарочитое отстранение от всякого способа сгруппировать, «приручить» поднимаемые Толстым вопросы.

Вместе с тем художественное творчество Толстого В.В. Библихин также привлекает для своих разборов: в этой связи следует отметить, например, глубокие трактовки романа «Война и мир». В частности, В.В. Библихин указывает: «“Война и мир” и вообще художественные вещи, литературные, как “Живой труп”, или ненаписанная драма о ленивом скучном самоотвержении, пишутся из захватывающего, увлекающего знания, что через человечество проходит божественный инстинкт, через человечество работает такое, что человечество не замечает <...> Премудрость устроила все, и хорошо если разум хоть поздно догадается о ее образе действия. Даже черный опыт Толстого, неприглядный, на самом деле идет в удобрение того же откровения – того, насколько намерения и планы людей только шелестящие тени решающего, что происходит в природе» (с. 111).

В.В. Библихин проводит интересные (и словно бы необязательные, «попутные» – но их вес бы еще более вырос при соответствующей развернутости) параллели между Толстым и древнеиндийской мыслью, Кантом, Дильтеем, Хайдеггером, Л. Витгенштейном и др., отчетливый смысл которых – в утверждении высокого толстовского идеализма. Хотя это не мешает В.В. Библихину заметить и позитивистские элементы в мысли Толстого – при этом все же несколько преувеличиваемые автором.

Исследуя внутренний строй личности Толстого, как она отразилась в его дневниках, В.В. Библихин выделяет в ней три основных «настроения» (духовные состояния), равно занимающие исследователя: «Разные настроения отчетливо различаются в Толстом. Одно безмятежное, невозмутимое, отрешенное, когда он вдумывается в мировоззрение блохи, жителя Сириуса или совсем непредставимого существа, с надеждой смотрит на тысячелетнее развитие человечества. Другое – подробное беспокойное внимание к своему состоянию, неостанавливающаяся забота выматывания скандала, на котором ему грозило бы застрять... <...> А очищение себя от скандала, поднятие себя за волосы из болота, как у барона Мюнхгаузена, как раз и готовит моменты безграничной свободы. Полета. Третье – Толстой подавленный, сонный, раскладывающий пасьянс, играющий в винт, больной, бездумный. Это вялое бродящее состояние как почва, и он его допускает, не изгоняет. Оно неким образом питает как сон те первые два» (с. 438).

В.В. Библихин приводит один из показательных примеров стыковки различных настроений Толстого. В частности, интерпретируя запись писателя о мгновении духовного смятения («Со мной случилось нынче что-то новое, необыкновенное <...> случилось то, что я проснулся с небольшой головной болью и как-то странно

забыв все: который час? Что я пишу? Куда идти? Но, удивительная вещь! Рядом с этим особенная чуткость к добру...»), В.В. Бибихин замечает: «Не только тот самый человек это о себе записывает, но и в тот самый день, когда он задумал этот крик “Не могу молчать”. И выдумаете это вся запись за этот день? Дальше совсем откровенное одномоментное присутствие в этом человеке полюса беззаботного счастья» (с. 441). И ниже у В.В. Бибихина вновь следует цитата из толстовского дневника: «Запел соловей под окном, до слез радостно. Сейчас только вспомнил, что я нынче, гуляя перед чаем, забыл молиться. Все забыл. Удивительно!».

В.В. Бибихин резюмирует: «Умиленные слезы от пения соловья, забывание всего на свете – и тот же человек в те же часы заходится в крике, который хочет, чтобы гремел на весь мир, обязательно, как можно скорее. “Не могу молчать”. Качели. Без этих качелей, без “противоречий” так называемых, не было бы размаха, просто не было бы этого человека» (с. 441). Однако наряду с «противоречиями» В.В. Бибихин, дезавуируя сам себя, отмечает в Толстом и необычайную цельность: «На самом деле такого цельного существа как Толстой мы мало найдем» (с. 460).

Книга В.В. Бибихина прокладывает одну из новых троп к прочтению Толстого, к самим способам русского философствования и русского бытийствования.